

ЗООЛОГИЯ И МОЯ ЖИЗНЬ В НЕЙ

Введение

Автор этой книги – зоолог. Меня и подобных мне персон принято называть «людьми редких профессий». В представлении окружающих зоолог – это тот, кто большую часть своей жизни проводит в скитаниях по безлюдным местам, выискивая нечто, не представляющее ни малейшего интереса для нормального, уравновешенного члена общества.

Разумеется, уединение – это важнейшее условие деятельности зоолога, поскольку присутствие посторонних неизбежно нарушит тот естественный ход событий, которые я и мне подобные вознамерились изучить. Поэтому с нетерпением ожидаешь отъезда даже милейших людей, которые затратили немало усилий для того, чтобы доставить тебя на вездеходе или на других средствах передвижения (вертолет, судно, моторная лодка и т. д.) к месту, где тобой спланировано проведение того или другого исследования.

К сожалению, желанного одиночества не всегда удается достигнуть. Не говоря уже о том, что люди ныне вездесущи¹ и попадаются на глаза даже там, где их совершенно не ожидаешь увидеть, подчас приходится вести наблюдения просто в густо населенной местности. Последние годы я занимаюсь изучением образа жизни стрекоз, так называемых красоток, обитающих по берегам небольших рек, часто в непосредственной близости от населенных пунктов. И вот сидишь с биноклем или видеокамерой где-нибудь неподалеку от пляжа и мечтаешь о том, чтобы проходящий мимо человек не засыпал тебя вопросами.

Чаще всего тебя принимают за рыболова, и тогда спрашивают, хорош ли здесь улов. Но обнаружив, что удочки-то нет, а вместо нее у тебя в руках камера с телеобъективом, вопросы приобретают иной характер. После твоих разъяснений, которые стараешься сделать как можно лаконичней, собеседник кивает головой и говорит: «А, понятно, *ботаника!*». И он удаляется, думая про себя, скорее всего, что у этого парня с головой не все в порядке. Чтобы не оставить о себе столь неблагоприятное впечатление, я придумал такую формулу: «Снимаем фильм». Тут, вроде бы, все становится на свои места. Например, в ответ могут спросить: «А когда его покажут по телевидению?».

¹ Сейчас даже заповедники наши умные головы в государственной думе намереваются превратить в национальные парки и зарабатывать там деньги экологическим туризмом.

Такое, сугубо утилитарное оправдание «бесполезной», казалось бы, траты времени на изучение жизни братьев наших меньших, вполне объяснимо со стороны непосвященного. В наши дни многие, если не основные сведения о животных поступают с экранов телевидения, из фильмов ВВС «Живая природа» и им подобных.

Многие из них не могут не вызывать восхищения филигранной работой операторов, которым, подчас каким-то чудом, удается запечатлеть редкие моменты из жизни животных и одновременно показать поразительную эстетику нерукотворных творений природы. К сожалению, текст, сопровождающий столь впечатляющий видеоряд, далеко не всегда заслуживает достаточно высоких оценок. Понятно, что ограниченность времени, отведенного на просмотр фильма, сама по себе делает невозможным достаточно глубокий и серьезный комментарий к происходящему на экране. Поэтому зрителю зачастую подается сильно упрощенная схема, либо совершенно тривиальная с точки зрения зоолога-профессионала, либо лежащая в русле модных ныне воззрений на суть происходящего в мире животных, нередко с привкусом сенсационности. Я имею в виду более или менее явные аналогии с теми принципами, которые, по мнению авторов текста, действуют в человеческом обществе. Можно полагать, что именно эти объяснения антропоцентрического толка делают фильмы, о которых идет речь столь привлекательными для рядового зрителя.

Никакого иного чувства, кроме негодования, у профессионала-зоолога не могут вызвать фильмы, которые фабрикуются следующим образом. Сначала какой-нибудь дилетант-недоучка пишет сценарий, в котором рассказывается, якобы, о судьбе конкретно особи, семьи или группы животных определенного вида. Затем, другой подобный же несостоявшийся зоолог кромсает километры документальных фильмов, снятых годами, и выбирает из них эпизоды, подходящие к канве сценария. Во всех них нам показываюи, как будто, одних и тех же животных, терпящих постоянные опасности и чудом избегающие их. Все это сдобрено домыслами о том, что эти персонажи «думают» в тот или иной момент. Текст насыщен такими пустыми фразами как, например, «Хищнику нужно подобраться как можно ближе к добыче». И, наконец, подобного рода стряпня попадает в руки переводчика, который зачастую не вполне знаком не только с научной терминологией, но часто – и с родным языком. Ясно, что во всем этом нет ни капли научной правды.

Вся эта колоссальная по объему телепродукция оказываются важной составляющей индустрия потребления. В создание этих программ вкладываются немислимые деньги. Поэтому нетрудно понять, почему ничего подобного так и не удалось создать в России. Совершенно очевидно, что не раз возобновлявшиеся попытки удержать интерес аудитории к доморощенным передачам типа «В мире животных» потерпели полный провал. В нашей стране, где власть предрешающие не слишком интересуются состоянием и благополучием отечественной природы, приоритеты в расходовании средств отданы проектам типа олимпиады или мирового чемпионата по футболу, в то время как так называемое «экологическое просвещение» занимает здесь одно из последних мест.

Любопытно, что такого же рода контраст мы наблюдаем и в сфере книгопечатания. В то время, как у нас существует множество популярных книг о животных, переведенных с европейских языков, отечественная продукция по этой тематике невероятно скудна. Мне не приходит на память ни одной книги, которая по яркости содержания и мастерству литературного исполнения могла бы быть поставлена в один ряд с произведениями, столь востребованными нашим читателем, как, скажем, те, которые принадлежали перу Джеральда Дарелла.

Должен признаться, что я сам не являюсь поклонником этого автора, во многом по тем же причинам, по которым не испытываю острого интереса к телефильмам о животных. В развлекательности ни Дареллу, ни «Живой природе» отказать, разумеется, невозможно. Но мне, как человеку, посвятившему свою жизнь зоологии, хочется узнать из книг названного автора не только о том, как поймать то или другое животное и о его поведении при содержании в клетке, но также – о своеобразии и уникальности образа жизни данного вида в естественных условиях. Что же касается телепередач, о которых идет речь, то большинство из них идут в клиповом режиме. Видео эпизоды обычно столь коротки, что у диктора попросту нет времени вдаваться в подробности в комментариях к происходящему на экране. А логика объяснений в такой ситуации может быть только предельно упрощенной. Текстовое сопровождение к фильмам, транслируемым по каналу «The animal planet», подчас настолько убого и насыщено, к тому же, фактическими ошибками², что возникает острое желание отключить звук.

² Из одного из таких фильмов можно узнать, что Ч. Дарвин был ботаником, а дарвиновых выюров, которые легли в основу предложенной им теории эволюции, диктор называет «збликами Дарвина».

Понятно, что формат книги дает несравненно больший простор для детализации того, о чем автор собирается нам рассказать. Если говорить о литературе, обращенной к широкой аудитории, где речь идет о животных, то ее можно, довольно условно, подразделить на два жанра. Один из них – это жанр приключений, куда, как мне кажется, относятся работы Даррелла и близкая к ним по духу замечательная книга Дэвида Аттенборо «Год зоологических изысканий».

Здесь перед нами, как мне кажется, особый жанр *художественной* литературы. Как писал по этому поводу Питер Кроукрофт, «Наиболее популярные книги о животных написаны вовсе не о животных. Это книги о людях – о тех, кто ловит животных, о тех, кто живет бок о бок с животными, или еще о каких-нибудь людях. Научное содержание таких книг нередко приближается к нулю. Но если произведение о подобных животных-оборотнях хорошо расходуется, его автор становится авторитетом в вопросах, касающихся животных как таковых. Сами авторы в этом не виноваты, и в итоге часто оказываются в неловком положении. Но, как бы то ни было, в результате они подкладывают зоологии порядочную свинью... К несчастью, писать научно-популярные книги по зоологии куда труднее, чем научные труды, и мало кому из нас хочется за это браться».

Это выдержка из книги «Артур, Билл и другие. Все о мышах», которая, с моей точки зрения, может служить идеальным образцом НАУЧНО-популярной литературы. В аннотации к этой книге сказано: «Работа Питера Кроукрофта, посвященная исследованию поведения мышей, является одновременно и остроумным, и глубоко научным трудом, который может быть полезен как рядовым читателям, так и академическим ученым». К этому же жанру следует отнести такие превосходные книги, как «Старина четвероног. Как был открыт целакант» Дж. Смита, «Один в Антарктике» Грехема Биллинга³, «Ворон зимой» Бернда Хейнриха.

Богатым научным содержанием отличаются также книги первопроходцев в изучении образа жизни человекообразных обезьян в природе: «В тени человека» Джейн Гудолл, «Гориллы в тумане» Дайан Фосси, «Год под знаком Гориллы» Джорджа Шаллера, «Рыжая обезьяна» Дж. МакКиннона.

³ Ленинград: Гидрометеиздат, 1969

К разряду классики научно-популярной литературы о животных принято относить книгу основателя науки о поведении животных (этологии) Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона», которую я перевел на русский язык 43 года тому назад. Во введении к ней автор противопоставляет жанр рассказа зоолога о своей работе таким книгам, «которые не могут быть названы правдивыми даже в самом вольном смысле слова». В качестве одного из примеров такого рода произведений он приводит «Книгу джунглей» Редьярда Киплинга. Лоренц пишет, что это «волшебная сказка», не содержащая в себе ничего похожего на научную правду о животных. Но, продолжает он, «...поэты, подобные Киплингу, могут позволить себе подать читателю животных совсем не так, как того требует научная истина». По словам автора, именно «Книга джунглей» оказала наиболее плодотворное влияние на развитие его сознания в раннем детстве. Так Лоренц приходит к заключению, что хорошая книга развлекательного характера не должна быть безусловно правдивой.

Иное дело – жанр научно-популярной литературы. «Я ученый, а не поэт, – пишет Лоренц, – поэтому не стану пытаться... подправить природу с помощью художественных вольностей. Каждая подобная попытка, несомненно, дала бы противоположный эффект, и мой единственный шанс написать что-либо, не лишенное поэтичности, – это строго следовать научным фактам».

Должен сказать, что лично мне все же более импонирует работа другого классика этологии, Нико Тинбергена, под названием «Наблюдательный натуралист»⁴. Дело в том, что этот автор много реже, чем Лоренц, прибегает к вольным интерпретациям сомнительного характера, в духе «ползучего антропоморфизма», по выражению упомянутого выше Питера Кроукрофта⁵. Кроме того, если Лоренц в большинстве случаев

⁴ В русском переводе «Осы, птицы, люди».

⁵ Например, в главе 12 («Мораль и оружие») Лоренц говорит о том, что у птиц, высших млекопитающих и человека можно найти некие «социальные сдерживатели», предотвращающие нападение на индивида со стороны других особей того же вида. «С точки зрения конечного результата, – пишет автор, – неважно, какие причины не позволяют господствующему животному нанести серьезные повреждения своему более слабому собрату – то ли *простые, чисто рефлекторные врожденные механизмы*, то ли *высшие философские соображения и нормы морали*. **Сущность** поведения и в том и в другом случае одинакова: смирившееся существо внезапно отказывается от самозащиты и как будто бы развязывает руки убийце. Но именно в тот момент, когда с пути последнего устранены все внешние препятствия, в его центральной нервной системе возникают непреодолимые внутренние преграды, не позволяющие решиться на последний шаг. Не так ли и сам человек просит пощады? Гомеровские воины, желая сдаться на милость победителя, отбрасывали в сторону шлем и щит, падали на колени и склоняли голову» (курсив мой). Это как раз тот случай, когда внешняя видимость явления выдается за его сущность.

преподносит трактовки поведения животных как истину в последней инстанции, в книге Тинбергена прекрасно показан именно процесс научного поиска. Это и остроумная постановка экспериментов непосредственно в среде обитания того или иного вида, и все те трудности в выборе наиболее правдоподобной гипотезы из нескольких, кажущихся, в первом приближении, более или менее равноценными и приемлемыми. Автор стремится не быть голословным, он постоянно приводит количественные обоснования в пользу предлагаемой аргументации. Эти цифровые выкладки преподнесены таким образом, что органически вплетены в гармонию литературного мастерства, но делают изложение еще более динамичным и увлекательным.

В этой книге речь идет о существах, которые можно назвать «рядовыми» представителями мира животных. Таковы полярная птичка пуночка, земляная оса аммофила, другая хищная оса – пчелиный волк и несколько прочих видов насекомых и птиц. Позже Кроукрофт писал, что книга о такого рода скромных созданиях не может быть столь же увлекательной, как те многие, в которых рассказано о крупных млекопитающих, вроде львов, леопардов, человекообразных обезьян или выдр.

С этим можно было бы согласиться, если бы повествования о животных ограничивались только описанием внешнего вида этих существ и немногими краткими заметками об их биологии, как это сделано, в частности, в книгах Даррела. Между тем, такого рода сведения, хотя и представляют определенный интерес для любознательного читателя, есть не более чем сырой материал, с которым работает зоология как наука, призванная объяснить все эти особенности видов, и причины отличий каждого из них от всех прочих. Именно такие объяснения возможных эволюционных причин различий в поведении, скажем, серебристой и трехпалой чаек образует логическую канву книги Тинбергена. Это и делает ее увлекательной для всех тех, кто не лишенных любопытства к жизни природы, вопреки тому обстоятельству, что чайки – далеко не столь эффектные существа, как, например, тигр или леопард.

О чем же говорит первое слово в формуле «научно-популярная литература»? Суть его в том, что задача такого рода текстов состоит в информировании читателя о происходящем в той сфере науки, в данном случае зоологии, предметом изучения которой

Именно за такого рода поверхностные аналогии между поведением животных и человека Лоренца остроумно высмеял философ Эрик Фромм в книге «Анатомия человеческой деструктивности».

оказываются персонажи повествования – осы, мыши, чайки и прочие. Вот что писал по этому поводу Лоренц: «Разве не должен этолог, поставивший своей целью узнать о животных больше, чем известно кому-либо другому, передать людям свои знания об их интимной жизни. В конце концов, каждый ученый должен считать своим долгом рассказать широкой публике в *общедоступной форме* о том, чем он занимается» (курсив мой).

Научное познание существенно отличается от других форм восприятия людьми происходящего в окружающем нас мире и от прочих всевозможных способов описания увиденного. Принципы здесь во многом иные, по сравнению с познанием обыденным, художественным или религиозно-мифологическим. Научное познание далеко не ограничивается фиксацией совокупности фактов, поверхностным их описанием и систематизацией посредством классификаций. В науке, естественно, без всего этого обойтись невозможно, но такого рода конгломерат знаний составляет то, что в методологии именуется *преднаукой*. Наука в собственном смысле этого слова занимается поисками причинности мироустройства во всех его аспектах. В основе этой деятельности лежит стремление увидеть за их внешней видимостью (кажимостью) того, что нас окружает, сущностные характеристики явлений и внутреннюю их связь друг с другом.

Наука – деятельность коллективная, в которую вовлечено несметное число исследователей с разным складом интеллекта и неодинаковыми потенциями к анализу явлений одного и того же порядка. Накопленный столетиями научный опыт оказался бы хаотичным, если бы в процессе развития науки не складывались научные школы, объединяющие ученых с близкими взглядами на интересующий их предмет. Каждая такая школа выдвигает собственные гипотезы относительно исследуемых ими явлений. Гипотезы рождаются, живут и вступают в конкуренцию друг с другом. Некоторые становятся на какое то время *догмами* и определяют собой в этот период *моду* в данной области науки. Со временем большинство гипотез не выдерживает конкуренции с выдвигаемыми вновь и уходят в область истории науки. Из сказанного следует, что наука – это динамический процесс познания окружающего, в котором догматизм и следование научной моде оказываются факторами, тормозящего наши попытки приблизиться к истине.

Моя деятельность в качестве профессионального зоолога охватывает более полувека, 53 года, если быть точным. Первым моим серьезным исследованием в заповеднике «Кедровая падь» предшествовали детские увлечения коллекционированием насекомых, позже - ловлей и содержанием птиц, а затем пять лет обучения в высшей школе.

За все эти годы в зоологии произошло множество кардинальных изменений, так что эта наука, какой она была в период моей юности, в 50-х и 60-х годах прошлого века, к началу нынешнего стала во многих отношениях почти неузнаваемой. В этой книге я хочу рассказать о том, как этот процесс изменений отражался на эволюции моих научных интересов, как они преобразовывались и расширялись. Вера в весомость тех или иных воззрений и гипотез, которые господствовали в зоологии в определенные периоды, сменялась разочарованием в их правдоподобности, что заставляло меня обращаться к иным объяснением увиденного мной в реальности.

В период с 1970 по 2013 гг. я написал 8 объемистых книг и несколько брошюр. В семи из этих публикаций (годы 1970, 1975, 1980, 1983, 1989, 2012 и 2013) обсуждаются вопросы, актуальные для теории зоологии на соответствующих этапах ее развития. Взгляды, которых я придерживался в те или иные годы, обосновывались данными моих исследований по тем отдельным группам животных, которые находились в центре моего внимания в это время (книги, опубликованные в 1973, 1999, 2003 и 2008 гг.).

В книге, которую читатель держит в руках, я рассказываю в хронологическом порядке о том, как и под влиянием каких обстоятельств (например, общения с коллегами) рождался замысел той или другой из упомянутых публикаций и как проходила моя работа над ней.

